

К 556/43г

К Р О К О Д И Л

№ 33 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

КУКРЫНИКСЫ-43

Рис. Кукрыниксы.

ТЫ СИДИШЬ У КАМИНА...

- Брр!.. Холодно!.. Подкинь угля в камин.
- К сожалению, могу подкинуть только вот эту бумагу.

— Пойти навестить шестую роту, что ли? А то ему одному бедному скучно.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

СТОКГОЛЬМ. Как известно, после оставления немцами Таганрога германское командование объявило, что «немецкие солдаты на фронте сохраняют полное спокойствие». Это сообщение о полном спокойствии вызвало в Германии большое беспокойство. Как и следовало ожидать, вслед за этим такое же «полное спокойствие» охватило немцев на Конотопском направлении, на Смоленском, на Брянском, западнее и югозападнее Харькова, в Донбассе.

Сейчас германское командование разъяснило, что оно имело в виду не живых, а мёртвых немецких солдат, которые, глубоко закопавшись в землю, прочно удерживают заранее подготовленные позиции.

ЖЕНЕВА. Здесь получены сведения, что у Гитлера сильно испортилось зрение. Врачи установили, что он не видит и никогда больше не увидит ни украинского (как и донского и кубанского) хлеба, ни донецкого угля. Болезнь неизлечима.

БЕРЛИН. Гитлер издал приказ: «За сокращением линии фронта исключить из списков германской армии те дивизии, которые за последние месяцы были эластично разгромлены и планомерно уничтожены в России».

ЖЕНЕВА. На последней прессконференции в германском министерстве иностранных дел всегда разговорчивый д-р Шмидт набрал воды в рот и молчал. По этому поводу в местных журналистских кругах утверждают, что вода, которую Шмидт набрал в рот, двух сортов: 1) речная, зачерпнутая из тех водных рубежей, которые успешно форсируются на Украине частями Красной Армии, и 2) средиземноморская вода.

БЕРЛИН. В германскую военную академию зачислены четыре новых преподавателя: 1) генерал фон Мюллер, читающий цикл лекций на тему «Почему с русскими трудно воевать зимой»; 2) полковник фон Шуллер, читающий цикл лекций на тему «Почему с русскими трудно воевать весной»; 3) генерал фон Дуллер, читающий цикл лекций на тему «Почему с русскими трудно воевать летом»; 4) полковник фон Жуллер, читающий цикл лекций на тему «Почему с русскими трудно воевать осенью».

БЕРЛИН. Германское информационное бюро сообщает, что одна немецкая часть захватила на юге России очень важный узел.

В узле оказались дамские ботинки, самовар и по ещё неуточнённым данным — шесть чайных ложек.

НЕ ДОГАДАЛСЯ

Однажды тощий фриц с блохотом
Пыхтел над списком битый час...
Горячим* обливаясь потом,
Он думал: «Всё ли я припас?»
В его норе для обороны
Запасы будто б немалы:
Есть и гранаты, и патроны,
И запасные есть стволы;
Консервы тоже есть — две банки,—
Вода имеется в жестянке;
К зиме пополнен гардероб:
Добыл жакетку и салоп...
Подсчёт запасов был бы долог,
Но тут пробил бандиту лоб
Снаряда русского осколок.
На чём же немец просчитался,
Когда писал он список свой?
Да запасною головой
Обзавестись не догадался.

Влад. ИВАНОВ

Действующая армия.

Золотая осень

— Хорошие дни стоят, Дмитрий Николаич!

— Чудесные, Пётр Максимыч! Что и говорить: золотая осень.

— И август хорош. И сентябрь не подкачал.

— «Уж небо осенью дышало, короче стало...» Замечательно!

— Что замечательно: стихи или осень?

— И то и другое. И неувыдаемый стих Пушкина и желтеющий лист берёзы.

— С подлинным верно, Дмитрий Николаич. А лето какое!

— Что и говорить! Разве можно сравнить июль этого года с прошлогодним?

— Да, погода совсем изменилась.

— Воздух совсем другой, Пётр Максимыч. Синева небесной прибавилось. Мценск. Орёл. Всё тургеневские места. Ну, конечно, и Белгород.

— И в Белгороде жил Тургенев?

— Нет. Но тем не менее — важный стратегический пункт.

— Да, июли уже не те, и августы не те. Отделка другая, качество более высокое.

— Что и говорить! В особенности же, Пётр Максимыч, хорошо в августе в районе Харькова.

— Где именно?

— Везде. И в самом городе. И восточней Харькова и западней, поближе к Ахтырке. И южнее — в районе Змиева и Чугуева.

— Там сейчас подсолнухи зреют.

— Там сейчас, Пётр Максимыч, судя по оперативной сводке, много кое-чего зреет. А ещё скажу я вам: очень приятный осенний пейзаж поближе к Полтаве.

— Что и говорить! Он в этом году выше всяких похвал.

— Кто?

— Я имею в виду месяц сентябрь. Интересный месяц.

— Сейчас весьма заманчиво в Брянских лесах: падают листья, хрустят френцы, форсируются реки. А какая красота на юге, на берегу Азовского моря!

— Богатейший край!

— Чехов писал о тех местах: «Почва такая хорошая, что если посадить в землю оглоблю, то через год вырастет гарантас». Сейчас он мог бы прибавить: «А если бросить в немецкий блиндаж гранату, то через день — другой вырастет крест на могиле фрица».

— Что и говорить! Благодатная почва.

— Таганрог — это родина Чехова. Большой писатель! Очень люблю я, Пётр Максимыч, короткий и ясный слог. Вот послушайте. Небольшой отрывок о Таганроге: «Ломая упорное сопротивление противника, советские кавалерийские и механизированные соединения прорвались в тыл немецких войск». Читаешь — и нельзя оторваться.

— Дмитрий Николаич, это же не Чехов писал. Это из сводки.

— Но ведь здорово написано. А? Антон Павлович одобрил бы. Он любил такой стиль. Он говорил: «Если на сцене висит ружьё, оно обязательно должно выстрелить». А под Таганрогом, уверяю вас, ни одно ружьё не гуляло — все стреляли. Немцев только убитыми — свыше тридцати пяти тысяч.

— Да, чудесные дни стоят.

— И вечера неплохие, Пётр Максимыч. И в Донбассе, и в Конотопе, и в Бахмаче, и...

— И где ещё?

— Об этом будет сказано сегодня в сводке.

— И завтра будет сказано и послезавтра.

— А в Москве — что за вечера! Я уже не говорю о звёздах. Одних ракет сколько в небе!

— Золотая осень!

Г. РЫКЛИН

Метод, да не этот

Поэт только что написал стихи. Они кончались так:

«Бежит в смятенье гитлеровцев свора,
Над ней навис неумолимый рок!
Вся Родина свободной станет скоро,
Как нынче стал свободным Таганрог».

— Прекрасно! — сказал редактор. — Абсолютно правильно. Но, дорогой мой... тут есть некоторая... ну, как бы сказать... недоработка...

— Я, кажется, всё, как всегда, тщательно отделал и...

— Погодите, не кипятитесь, — сказал редактор. — Вы-то всё отделали. Но наши войска сейчас отделили немцев под Ельней.

Поэт в радостном волнении, под гром начавшихся салютов присел с края к редакторскому столу и задумался. Через десять минут перо его застрочило. Наконец, он поставил точку и понёс новый вариант редактору:

«Что день, — то наша сила беспредельней,
Препрады нет сверкающей звезде.
То, что случилось с немцами под Ельней,
Случится с ними всюду и везде».

Редактор размашисто надписал: «В набор». В ту же минуту грянул залп и над окутанной мягкими сумерками Москвой взвились ракеты.

Редактор бросился к окну, привычным движением включив по пути репродуктор.

«...вступили в Северную Украину... Рыльск... Глухов...» — донеслись до обоих слова нового приказа. Поэт схватил перо.

— Нет; нет, — сказал редактор, — ступайте домой, дружок, и посидите как следует.

Весь вечер поэт ходил из угла в угол. Наконец, он сел и написал:

«Там, где вчера бандит кровавый рыскал,
Сегодня снова счастье расцветёт!
Разгромлен враг под Глуховом и Рыльском!
Везде его судьба такая ждёт!»

Но уже на следующий день он кричал в трубку stenografistke редакции:

— Анна Григорьевна! Изменение! Диктую: «Ещё в одну вступили полосу мы,
Ещё рубеж победы мы прошли!
И как сегодня вольно дышат Сумы,
Вздохнут свободно все края земли».

Точка. Поставили точку? Перечтите, пожалуйста. Правильно.

Но это было правильно только до следующей сводки.

Поэт писал, и писал лихорадочно и безуспешно, пытаясь догнать сводку. «Кролевещ» предсказывал немцам «конец», «Ворожба» ку-

лила им «гроба». Но дальше уже брезжили и всё приближались не только удобнейшие для зарифмовки «Конотоп» и «Нежин» («Гроб, неизбежен»), не только чудесная наша «Полтава» с закреплённой за ней ещё с петровских времён светлой рифмой «слава», но и труднейшие «Краматорская», «Днепропетровск», «Брянск», «Смоленск», и, наконец, «Минск» и «Киев». А ведь они будут, будут наши! И скоро!

Поэт пошёл к редактору. — Вот что, — сказал он, — порвите стихи. Я избрал неправильный творческий метод.

— А именно? — спросил редактор. — Конечно, зарифмовать город возможно, но необязательно. Освоив город, я ставил точку, а наши армии как раз этого-то и не делают, а идут дальше. Не поспеваю.

— Что же делать? — спросил редактор. — А вот что: я лучше не буду регистрировать события, а напишу о том, что я по поводу их чувствую, и тогда должно получиться, иначе я не поэт и не патриот.

Но он был поэт и патриот, и у него получилось.

НИК. АДУЕВ

ОДНО ИЗ ДВУХ

Рис. Ю. Гафя.

— Как быть с фюрером: повесить или поставить к стенке?

Преступление и наказание

Рис. Б. Клипча,

Избитая тема.

ТЯЖЕЛАЯ ПРОФЕССИЯ

(Сцена в Берлине)

Дитмар:

Я старый человек, я лыс и сед,
В отставку бы. К обеду рюмку
водки...

А я верчусь, как вьюн на
сковородке,
«Победы» стряпаю из наших бед...

Геббельс:

Скажу вам, с точки зрения
министра,
В чём главная скрывается беда:
Уж до чего стремительно и быстро
На Юге вырывают города!

Дитмар:

Действительно! Нам не дают
очнуться:
Ну, дали бы на город десять дней,
Чтоб сочинить, чтоб как-то
извернуться...

Геббельс:

Соврать искусней тоньше и
нежней...

Дитмар:

Едва о Харькове поврал немного,
Едва лишь Харьков нам пришлось
отдать,
Прошло семь дней—и нету
Таганрога!

А там Полтаву надо объяснять...

Геббельс:

Вы знаете, что надо сделать,
Дитмар?

Дитмар:

Когда б могли обзоры прекратить!

Геббельс:

О нет! Но, не теряя в деле ритма,
Вам всё вперёд неплохо объяснить.

Дитмар:

Я уловил ценнейших мыслей нить:
Иметь в портфеле мне обзор
готовый

Для Гомеля и, скажем... Могилёва!

Геббельс:

Поскольку русские так нетактично,
Так грубо прут, сметая нас с пути,
Нам, немцам, надо строго,
методично,

Заранее враньё изобрести...

Дитмар:

Простите, час приходит
обозренья...

Геббельс:

Ступайте, друг, и врите без
зазренья!

А. ФЛИТ

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

(Анекдот, рассказанный немецким военнопленным)

В Германии знаменитой киноактрисой считается Цара Левандер. Популярная песня её начинается словами: «Я верю, что ещё может произойти чудо». Гитлер пригласил актрису в ставку.

— Отныне, — сказал он, — вместо оперативных сводок вы будете ежедневно петь.

— Что? — спросила певица.

— «Я верю, что ещё может произойти чудо».

У ЕЛЕНЫ Васильевны муж на фронте, сама она служит в учреждении, всегда занята «по горло», вечно куда-то спешит и боится опоздать.

Если подсчитать, сколько раз в день Елена Васильевна, хватаясь за голову, произносит фразу: «Боже мой, я опаздываю!» — получится внушительная, трёхзначная цифра.

В отсутствие Елены Васильевны за её сыном — семилетним Микой — присматривает тётя Фиса, седая, почтенная дама, чрезвычайно гордая тем, что болеет странными болезнями.

Мика тётю Фису не признаёт, нахально зовет её «тётка Фиска» и уже однажды пытался взорвать её миной собственного изготовления.

На «противотётковую» мину Мика израсходовал весь наличный запас газетной бумаги и украденный на кухне коробок спичек. Взрыв не состоялся, но зато в комнате чуть не произошёл пожар, и тётя Фиса на почве испуга заболела нервным зудом в какой-то очень сложной подколненной форме. Где-то она прочитала, что нервным зудом под коленками страдал французский король Людовик XII, и просто голову потеряла от отчаянной гордости.

— Вы только подумайте! — говорила она знакомым. — Сколько было этих Людовигов, а подколенным болел один двенадцатый! И я!..

Когда тётю Фису упрекают в том, что она плохо смотрит за Микой и мальчик очень разбаловался, она начинает нервно чесать себя под коленками и сердится:

— Я не могу с ним справиться. У этого мальчика повышенная моторность!..

...В этот вечер, возвращаясь домой, Елена Васильевна, как всегда, волновалась. Она стояла в проходе переполненного троллейбуса, сплюснутая со всех сторон, и её пылкое воображение рисовало ей страшные картины: «Фиса ушла к соседке... Мика видит: тётки нет, — воспользовался случаем и упал с балкона!.. Или разбил зеркало!.. Боже мой, я опаздываю!..»

Тут машина остановилась, и Елена Васильевна увидела, что это как раз и есть её остановка.

Она рванулась к выходу, но не могла пробиться. Тогда, отчаянно работая локтями и боками, и повторяя «Боже мой, пустите, я же опаздываю!», Елена Васильевна проложила себе дорогу к задней площадке и в последнюю секунду выскочила из машины.

Не успела она перевести дух, как раздался резкий свисток и перед ней возникла фигура милиционера:

— Гражданка, вы почему нарушаете? Вы что не знаете: с задней нельзя сходить!

— Я всё знаю, товарищ, но я опаздываю!..

— Если вы всё знаете, зачем же вы тогда всё нарушаете?

Железная милицмейская логика обозлила Елену Васильевну.

— Вы меня, пожалуйста, не прорабатывайте! — сказала она сердито. — Мне некогда слушать ваши наставления. Боже мой, я же опаздываю!..

— Не волнуйтесь, гражданка. Успеете ещё... опоздать... Платите штраф!

— Пожалуйста! Возьмите. Только скорее!.. Вот!..

Она протянула милиционеру 30-рублёвую бумажку.

— У меня сдачи нет, гражданка. Давайте врасчёт!..

— У меня нет других денег. Боже мой, я же опаздываю!..

— Как же вы выходите на улицу и не имеете при себе приготовленных мелких денег?!

— Мне некогда, поймите. Я опаздываю!.. У меня ребёнок!

— Не вижу никакого ребёнка, гражданка, а вижу нарушение.

— Я вам говорю русским языком: я опаздываю к больному ребёнку!..

А у него... эта... повышенная моторность!..

— Не нарушайте—тогда не будете опаздывать к вашему... повышенному!

— Чем нотации читать,—вспыхнув, сказала Елена Васильевна,—вы бы лучше послушали, что про вас говорят!..

На суровом, каменном лице блюстителя порядка вдруг появилось выражение живейшего любопытства, смешанного, как показалось Елене Васильевне, даже с некоторым испугом.

И в эту минуту Елена Васильевна увидела на другой стороне улицы, у ворот своего дома, тётю Фису. По тому, как яростно почтенная дама чесала себя под коленками, Елена Васильевна поняла, что в доме что-то случилось.

Она сунула в руку милиционеру злополучную тридцатку и бросилась к тётю Фисе.

— Что с Микой? — сказала она задыхаясь. — Упал с балкона?

— Хуже!.. Он...

— Ну говори же!

— Он укусил милиционера... Я только что привела его из отделения!

Мы шли с ним в пекарню. Вдруг он от меня вырывается, подбегает к милиционерше — такая маленькая, толстенькая, на нашу Ньюшу похожа. Помнишь Ньюшу? — и говорит: «Тётя, что вы здесь целый день делаете?» Она говорит: «Уйди, мальчик». Я кричу: «Мика, не трогай милицию!» А он опять к ней: «Тётя, дайте мне ваш свисточек — посвистать». «Уйди, мальчик!» «Тётя, дайте мне ваш револьверчик — пострелять!» И, представь себе, дотрагивается пальчиком до этой... ну, куда они прячут свои пистолеты... до кожур!.. Тогда милиционерша взвизгивает, как ужаленная, и хватает Микку... Мика взвизгивает, как ужаленный, и кусает милиционершу... Я взвизгиваю, как ужаленная, и бросаюсь к ним... Пришлось в отделение идти!.. Ой, Лёля, это, кажется, за тобой!..

Елена Васильевна оглянулась. Перед ней стоял оштрафованный её милиционер. В его холодных, несколько сонных глазах теплился робкий огонёк смущения и неловкости:

— Возьмите, гражданка, сдачу и квитанцию.

Елена Васильевна взяла деньги, положила их в сумочку, но милиционер не уходил.

Краснея, он топтался на месте и, видимо, хотел что-то сказать, но не решался. И наконец решился:

Виды Берлина.

— Скажите, гражданка, а что ж... такое... про меня говорят?..
 — Говорят, что сейчас война. Понимаете? Все заняты, все спешат, все опаздывают. У нас, у женщин, ещё и ребята без присмотра. А вам и горюшка мало. Знай себе штрафует!..
 — Поскольку граждане нарушают, постольку мы и штрафуем.
 — Разбираться надо! Вон в суде—и то часто людей оправдывают. В приговорах пишут: «Принимаю во внимание». А вы ничего во внимание не принимаете...
 — Которые граждане нас не принимают во внимание, мы тех тоже во внимание не принимаем. Теперь взять малолетних!.. Такие есть озорники—сил нет! Сегодня в наше отделение одного приводили... Под стол пешком ходит, а уже кусал милиционершу. Интересно, что у него за мамаша!.. Ежели сынок с таких лет кусается, так его мама, наверное, нашего брата на части рвёт... Вот какие бывают граждане, гражданка!
 — Да, конечно...— сказала Елена Васильевна, краснея в свою очередь.— Кусаться, нехорошо! Взаимно надо уважать друг друга...
 — Точно...
 Милиционер козырнул, хотел было идти, но опять смущённо погоптался на месте и сказал:
 — Возьмите, гражданка, деньги ваши назад.
 — Но я же нарушила правила!..
 — Принимая во внимание ребёнка вашего... повышенного. Возьмите!..
 — Не надо. Не возьму!..
 — Возьмите... поскольку взаимное уважение!..
 Этот странный торг продолжался несколько минут, и всё время милиционер козырял и Елена Васильевна машинально тоже отдавала ему честь, прикладывая руку к своему берегу.
 Наконец, они откозыряли друг другу в последний раз, и милиционер ушёл.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

✓ ЛЕЙ, НЕ ЖАЛЕЙ

Гитлеровская газета «Ангриф» опубликовала статью одного из видных главарей гитлеровской банды—Лея,—полную жалоб на отсутствие у немцев стойкости и на распространение в стране панических настроений.

Не было насмешки злее,
 Чем унылый голос Лея.
 Раньше рыкали, как звери,
 Гитлер, Гиммлер, Геббельс, Геринг,
 А теперь четыре «Г»
 Речь доверили слуге.
 Сами губы, клеём склея,
 Выпускают мямлить Лея.
 Не о славе и жестокости —
 Разговор зашёл о стойкости,

Не о расе белокурой
 Раздаётся возглас хмурый.
 Видно, «племени господ»
 Прошибает спину пот.
 Видно, туго всей компанейке:
 Начинают ныть о панике.
 Ослабели немцы нервами,
 Поистратились резервами.
 Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс
 Нынче выступать колеблются.
 Брешь пробита во враге:
 Нагло хвастаться не смеют.
 Пусть же все четыре «Г»
 Вместе с Леем околеют!

НИК. АСЕЕВ

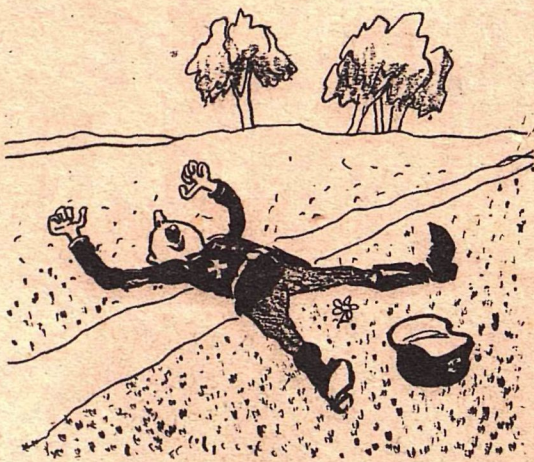
САМООБСЛУЖИВАНИЕ

— Зачем ты выкопал себе могилу, Фриц? Ведь красные ещё далеко.
 — У меня правило: никогда не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

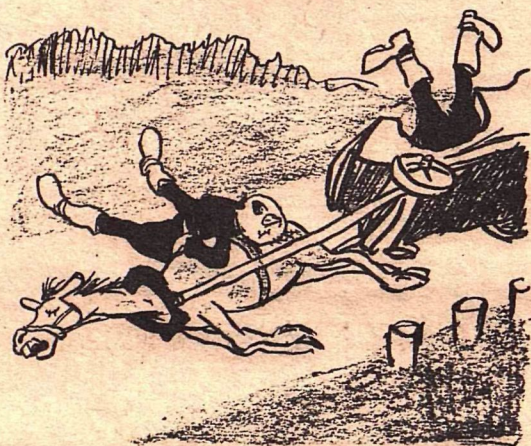
(«Боевой натиск»)

ДОРОЖНАЯ СЕТЬ В ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНАХ

Рис. И. Семёнова.

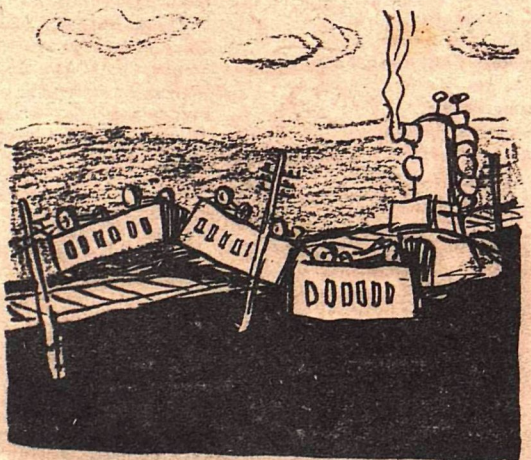
Пешеходная тропа.

Просёлочная дорога.

Шоссе.

Железная дорога.

Москва в Москве

(Дружеская пародия в стихах, песнях и припевах)

Настя: — Не говори ничего мне,
Петя, только ответь: ты москвич?
Петя: — Москвич. (Напевает.)
На Таганке я родился,
На Полянке долго жил,
На Стромынке я учился,
На Ордынке полюбил.
(В. Гусев «Москвичка».)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Виктор Гусев — автор.
Москвичка — девушка.
Москвич — парень.
Олег Перестройкин — инженер,
временами профессор.
Рубаха — парень. Весёлый друг.
Старый актёр, с гитарой.
Москвичи и москвички.
Время действия — весна
в Москве.

ДЕЙСТВИЕ 1-е.

Парикмахерская на Арбате. В кресле
москвич, у кресла москвичка. Очередь.
Москвичка: — Вас побрить или по-
стричь? (Влюбляется.)
Москвич (глядя на нее): — Ух! Не де-
вушка, а птичка! (Влюбляется.)
Москвичка: — Как тебя зовут?
Москвич: — Москвич. А тебя как зо-
вут?

Москвичка: — Москвичка.
Автор (выпихивая на сцену старого ак-
тёра): — Пой песню, пой!
Старый актёр (поёт): — Я актёр уди-
вительно старый,
И что петь, мне уже всё равно-о-о...
И с такою же с а-а-арой гита-арой
Я пою всё одно и одно-о-о-о...
(Деловито автору.)

Где вино?
(Автор протягивает из-за сцены бутылку.)
Актёр долго пьёт. Поёт дальше.)

Я пою и пою непрерывно,
В каждой пьесе мне место дают...
Ах! Когда же я петь перестану?
Ох! Когда же меня отпоют? (Уходит.)
Москвич (вместе): — Я люблю тебя
Москвичка (с первого взгляда...)
Ну, ещё на меня посмотри... (Целуются.)
Автор (отчаянно): — Эй! Постойте! Не
надо! Не надо!
Очередь (вставая, хором): — Вы забы-
ли, что действий-то три!
(Занавес.)

ДЕЙСТВИЕ 2-е.

Двор большого московского дома. Моск-
вич и москвичка.
Москвич: — Я люблю вас всё сильнее..
Москвичка: — Ах, я тоже вас люб-
лю!.. (Задумывается.)
Москвич: — Боже! Что такое с нею?
(Слышно улюлюканье автора за сценой.)
Автор (за сценой): — Улю-лю... Улю-
лю... Улю-лю...
(Спускает на публику Рубаху-парня.)
Рубаха (поёт сходу): — Я таковский, я
московский,

Я Петровско-Разумовский,
Я Таганский, Якиманский,
И Ордынский, и Стромынский,
Я Тверской, и я Ямской,
Ха-ха-ха! Серпуховской...
(Перечисляет все московские улицы, пе-
реулки и тупики, чем заполняет целую
картину.)

Олег (выглядывая в окно): — Я чув-
ствую, гибель моя близка... Что у меня
общего с этой толпой? (Смотрит вниз.)
Я привык смотреть на них свысока.
А, впрочем, очень может быть, что я
глухой и слепой... Что делать?
Автор (уверенно): — Пой песню, пой!
Олег (поёт, как умеет):

— Не гудит тревога,
Но стоят посты.
Погоди немного —
Отдохнёшь и ты.
(Бросает во двор записку и скрывается
в окне. Москвичка читает записку и
вскрикивает.)

Москвич: — Что такое? Скажи на ми-
лость?
Москвичка (в ужасном волнении):
— Как же это? В кого я влюбилась?
К чорту! Девчонка я очень свирепая!
Любовь — не картошка? А я с ней, как
с репю! Вырву и выброшу! Ах, ты,
трепю! (Убегает.)
Рубаха (острит): — Было прохладно,
стало тепло! (Уходит.)
Москвич (горько): — Брошусь под
лифт! Работает лифт ещё? (Убегает.)
Автор (выходя на сцену и потирая руч-
ки): — Вот это конфликт! Вот это кон-
фликтissime!!

(Занавес.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тот же дом. Поздний вечер. Москвич и
москвичка дежурят на крыше.

Москвич (поёт на мотив «Любки»): —
Помнишь, как с тобою,
Ждали мы отбою,
Ждали мы отбою до утра?
Падали фугаски,
Было всё, как в сказке,
Ах, какая чудная пора!
Москвичка (сухо): — Послушайте, мы
уже не знакомы! Зарубите это себе на
носу!

Москвич: — Но вы — мой ангел!
Москвичка: — А вы — саркома!
Москвич: — О, я этого не перенесу!
Москвичка: — Могли бы вести себя
поблагодарней! (К публике.) Офёт: я
москвич! А сам (с презрением) ино-го-
род-ний... Тьфу!
Москвич: — Я иногородний! Ха-ха! (до-
стает паспорт.) Вот прописка! (показыва-
ет ей.)

Москвичка: — Ах! (Падает ему в объ-
ятия! Я снова твоя! Но записка?)
Олег (открывая окно): — Беру я запис-
ку свою назад!

Москвич ош! Любите его сколько влезет.
Рубаха (острит с чердака): — В самый,
так сказать, акурат!

Олег (перестраиваясь): — Да! Коллек-
тив мне будет полезен!
(Автор выходит на авансцену с гита-
рой.)

Автор (поёт): — Герой героиню целует
взасос,

Изжит инди-ви-ду-а-лизм...
Когда-то героев спасал колхоз,
Теперь спасёт афоризм.
Так пишутся пьесы подряд, подряд.
На сцену летит их рой...
И если подавится первый ряд,
Авось, проглотит второй.
А мнение критиков — ерунда!
Я прежде всего поэт!
И если один говорит из них да —
Другой говорит из них — нет!
(В припадке откровенности вдруг ме-
няет ритм.)

Я, конечно, не Островский,
Но на мой хватает век...
Я — упорный. Я — московский!
Я пишу-у-учий человек.
(Раскланивается и уходит писать оче-
редную пьесу в стихах. Падает занавес;
падает зритель, а пьесы идут себе да
идут.)

А. РАСКИН

ВЕК ЖИВИ

ВСТРЕТИЛИСЬ две приятельницы: одна — дама совершенно стандартная, другая — дама модельная во всех отношениях. Поговорили о том, о сём; между прочим, стандартная дама вздохнула:

— Ах нет, мой муж не может! Хотя он и всеми уважаемый и неоднократно премированный главбух, но он не может доставать мне ничего мало-мальски интересного.

— Нет, душечка, на своего я пожаловаться не могу, — сказала дама модельная во всех отношениях. — Он хотя и не главбух, а всего только счетовод на молочном пункте, но зато он всё может. Например в молоке я прямо-таки купаюсь. И не столько купаюсь сама, сколько купаю других. Представьте себе, це-

лую неделю заливала молоком одного завмага — и вот результат!

Она расстегнула шикарную брюхатую сумку и показала отрез шерсти. Ах, какой отрез!

Дама стандартная нашла в себе силу воли закончить разговор с улыбкой, но, прядя домой, накинулась с пеной у рта на своего неоднократно премированного мужа. Она рассказала ему про молоко и про шерсть и закончила уничижительно:

— А от тебя — ни шерсти, ни молока!

— Полвека живу на свете и не думал, что этакое ко мне применимо... — печально сказал главбух. — Вот уж действительный, век живи...

В. КАРБОВСКАЯ

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

О топливе для своих стариков я начал хлопотать ещё весной. И убедился, что сделал это слишком поздно.

Сначала всё шло очень гладко. В обкоме партии распорядились выдать моим родным дрова и снабдили их соответствующей бумажкой. Вот эта бумажка и оказалась заколдованной.

Весь гортоп исходила моя мать сверху до низу, и никто не хотел признаваться, что бумажка адресована именно ему. После долгих поисков, наконец, нашёлся смельчак и сказал: «Придите завтра».

А завтра у моей матери потребовали справку, что я действительно нахожусь на фронте.

Снова заработала почта. И вот справка в Иркутске. Тогда в гортопе предложили представить новую справку, — что мои старики... нигде дров не получали. И этот рубеж был преодолен. Всё в порядке, остановка за мелочью: не было дров.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Рис. Г. Валька.

— Наш дом выглядит, как в мирное время. До войны его не ремонтировали и теперь — тоже.

Наконец, моим старикам выписали дрова. Но доставка их оказалась для гортопа непосильной.

И вот теперь мои старики, возвращаясь вечером с работы, тащат на себе за несколько километров дрова со склада домой. Учитывая их годы, дай бог, чтобы все дрова были перетасканы к весне 1944 года.

Теперь я поступаю умнее, перехитрю гортоп, и о дровах для стариков на будущую зиму начну заботиться сейчас. Посмотрим, что из этого выйдет?!

Гвардии майор Г. КОЧНЕВ

Полевая почта 81070 «А».

○

Уважаемый Крокодил!

Торжественно и публично обещаю тебе больше не писать в Астраханский эвакупункт № 1.

Я даю обещание не потому, что на этом настаивает начальник эвакупункта, который на два запроса о розыске моих родных разразился официальной нотой следующего содержания:

«Который раз Вам отвечать, что вашей семьи у нас не числится. Нужно советить иметь... вы, как видно, от безделья не знаете, что делать. Прошу больше не писать».

Я обещаю не обращаться больше в эвакупункт. Просто не хочется связываться с грубыми чиновниками, которые считают бездельем розыски моей семьи. И полагают, что они заняты делом, когда стряпают такого рода письма.

Е. Л. БЛОХ

Ташкент.

○

Дорогой Крокодил!

Хочу поделиться с тобой впечатлениями о том, как прошёл в клубе имени Кониного вечер встречи с Героями Отечественной войны. Всё было торжественно. Народу в клубе собралось много. Героев встретили аплодисментами. Я приготовился слушать, как вдруг неожиданно был атакован с флангов. Я моментально произвёл рекогносцировку местности и обнаружил, что сооружение, на котором я сидел, называется стулом только по недоразумению — на самом деле это был настоящий клопный дот. Клопы наступали на меня колоннами, во весь рост. Вместо того чтобы слушать ораторов, я вынужден был заняться самообороной. Но ни холодное оружие (ключ от квартиры), ни огневые средства (спички) не улучшили моего положения. Под давлением превосходящих сил противника я вынужден был покинуть клубные позиции.

Вот видишь, я хотел с тобой поделиться впечатлениями о встрече с участниками Отечественной войны, а рассказал жуткий боевой эпизод из собственной жизни.

Техник-лейтенант
А. ПОЛЪЯНОВ

Егорьевск, Московской области.

ИЗ ЦИКЛА ПОРТРЕТОВ «НЕ ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Рис. В. Горяева

ЗАВИДНЫЙ ЖЕНИХ

— За меня, за шофёра, твоя пойдёт,
Я принцессу себе мог достать бы,
Только мне-то жениться сейчас не расчёт,
Мне куда лафа и без свадьбы.

Я желаю пока погулять и пожить,
Подкопить и вещиц и денюженок.
Поживу, погляжу... Для чего мне спешить?
Много их, этих самых девчонок!

У кого есть машина (своя, не своя —
Это роли сейчас не играют!),
У того и невесты кругом и друзья —
Всяк тебе быть полезным желает.

Тащат водку и закусь и деньги дают,
Приглашают по праздникам в гости,
Улыбаются нежно и сладко поют:
— Подвезите, подкиньте, подбросьте!

Отчего не подбросить? Всё в наших руках!
Отчего не подкинуть? Подкину!
Много с вас не возьму... Что у вас там в мешках?

Если овощ, — то мне половину!..

Я принцессу любую могу подобрать,
Мне под пару любая невеста,
Но желательно мне взять девчонку под стать:
С настоящего, хлебного места.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ В № 22—23 Крокодил поместил письмо о перебоях в снабжении Архангельска электроэнергией. Письмо обсуждалось на заседании бюро городского комитета партии, где было принято решение об улучшении работы архангельской городской электростанции.

24

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
6 ОКТ 1943
Всес. Мл. Палат. Получены

	срнод и срнри	„Лет рецензий“	„Уч лет“
Получ. в ред.			
1 ден в архив	7/8		

Уборочная кампания на Украине.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

19/10/43

Для чего меня директор
Вызывает в кабинет?
Я иду и сам не знаю:
Попадёт мне или нет?

Правда, я вчера одетый,
В башмаках, на койку лёг.
Но, по-моему, об этом
Он узнать никак не мог.

Правда, раньше под подушкой
У меня был целый склад:
Там лежали ложка, кружка
И по физике доклад.
Но уже четыре дня
Всё в порядке у меня.

Для чего меня директор
Вызывает в кабинет?
На работе, я ручаюсь,
Никакой задержки нет.

На моём станке доводка,
Я в бригаде фронтовой,
Что идёт работа чётко,—
Я ручаюсь головой.

Был у нас недавно случай:
Надо нам сдавать заказ.
Лена—токарь самый лучший —
В этот день больна как раз.

Я решил: вторую смену
Отработаю за Лену.

И к утру сложил я в горку
Обработанный металл.
Отнесли его на сборку,
Я четыре нормы дал.

Всё, по-моему, в порядке,
Никакой задержки нет.
Для чего меня директор
Вызывает в кабинет?

Я стою, поправил пояс,
Жду, немножко беспокоюсь...

Я покашлял у дверей,
Говорят: входи скорей!

Вдруг директор жмёт мне руку,
И велит мне в кресло сесть.
Я ему, как военруку,
От волнения отдал честь.

В кабинете только двое,
Только мной и занят он:
— За отличие трудовое
Ты медалью награждён.

Вот зачем меня директор
Вызывает в кабинет.
И теперь на целом свете
Никого счастливей нет.

А. БАРТО

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 49, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП (б) „Правда“.

Москва. Изд. № 648. Подписано к печати 15/IX 1943 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.
А 1460. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2360. Тираж — 100 000 экз.